

ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ГЕРОИЧЕСКАЯ

На 9 августа сорок второго года гитлеровское командование назначило парад фашистских войск в Ленинграде. Были даже изданы пригласительные билеты на банкет в «Астории». И вот день, когда по замыслу вермахта город на Неве должен был пасть, наступил. Он надолго запомнился ленинградцам особым, волнительным событием. Многие из них в тот августовский вечер плакали — и в своих домах, и прямо на улицах.

Эти слезы вызвала музыка. В белоколонном Большом зале филармонии измученного города звучала Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича. Шел 355-й день блокады...

На титульном листе сочинения стояло посвящение автора: «Нашей победе над фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду — я посвящаю свою Седьмую симфонию». Несмотря на крайне тяжелые условия, писал ее композитор быстро. Начав работу в первые дни

войны, он закончил свое произведение в декабре 41-го в Куйбышеве, куда был эвакуирован вместе с семьей. Шостакович думал, что уложится в одну часть. «Постепенно замысел разросся. Главное, что мне казалось важным раскрыть в музыке, — это любовь к людям, составляющим оплот культуры, цивилизации, жизни. Я писал свою симфонию о них... В минуты серьезных испытаний оказывается, что они герои», — так излагал свою программу сам композитор.

Любимый город, зажатый в тисках блокады, неизменно страдал. И оружие Шостаковича — «музыка всепобеждающего мужества» — неудержимо рвалась из его сердца.

...Зима 1941—1942 годов. Морозы доходили до минус сорока. Голод неумолимо косил человеческие жизни. 125 граммов хлеба и дрожжевой суп в лучшем случае составляли ежедневное меню. Отопление и водопровод не работали, не было света. Только скрипели полозья санок, да люди двига-

лись, держась за стены домов. Музыки в Ленинграде в ту зиму почти не было слышно. По радио звучали в основном литературные передачи. Казалось бы, до музыки ли? Но ее не хватало. Художник И. Серебряный вспоминал: «...было действительно страшно: город без музыки круглосуточно. По радио только нервный стук метронома». Многие ленинградские оркестранты не пережили ту жестокую зиму. Но искусство не умерло. И в условиях блокады был возрожден оркестр Радиокомитета, который 30 марта 1942 года собрался на свою первую после перерыва репетицию. Дирижировал Карл Элиасберг.

К тому времени мир уже знал о Седьмой симфонии Шостаковича, получившей название Ленинградской: состоялись ее куйбышевская и московская премьеры. Симфонию захотели исполнить во многих странах мира. Заснятая на фото пленку, партитура была отправлена в Нью-Йорк. Самой же большой мечтой авто-

ра было исполнение ее в Ленинграде. И 2 июля спецрейсом вместе с медикаментами для госпиталей четыре объемистые тетради с нотами были доставлены в осажденный город.

В то время как истощенные голодом и болезнями музыканты разучивали Седьмую симфонию Шостаковича в блокадном Ленинграде, американцы услышали ее в исполнении оркестра, руководимого 70-летним Артуро Toscanini. Потрясенные великой музыкой, они восклицали: «Эта музыка выражает мощь Советской России так, как этого никогда не сможет сделать слово!» Журналист А. Колдуэлл писал: «После последнего взмаха Toscanini, завершившего поистине грандиозный финал симфонии, я думаю, что каждый из присутствующих в зале повернулся к своему соседу (я это сделал) и сказал: «Какой дьявол может победить народ, способный создавать музыку, подобную этой!»

В тот вечер наши бойцы вели такой мощный огонь по врагу, что принудили его к молчанию. Традиционного фашистского артобстрела в тот день не было...

Т. КОВАЛЕВА.